

ЗАИМСТВОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В. М. Шаклеин

Появившиеся в последнее время зарубежные исследования позволяют иметь представление о современном состоянии дела в области заимствований. При всем многообразии точек зрения на те или иные явления в сфере освоения иноязычной лексики прослеживаются и некоторые общие тенденции в решении возникающих задач.

Ключевые слова: заимствованная лексика, трансформационная грамматика, морфология, словообразование, лингвокультурологический аспект, лингвокультурная ситуация

Зарубіжні дослідження останнього часу, що з'явилися, дозволяють уявити сучасний стан справ у галузі запозичень. При всьому різноманітті поглядів на різні явища у сфері запозичень іншомовної лексики є й деякі спільні тенденції в рішенні задач, що виникають.

Ключові слова: запозичена лексика, трансформаційна грамати́ка, морфоло́гія, словотві́р, лінгвокультуро́логічний аспект, лінгвокульту́рна ситуа́ція

Recent foreign researches give the idea of the modern state in the sphere of borrowings. In terms of varied points of view on these or those phenomena in the sphere of mastering foreign lexics some general tendencies in the solution of the surfacing problems can be traced

Key words: borrowed, lexics, transformational grammar, morphology, word building, lingvocultural aspect, lingvocultural situation

Для характеристики современных процессов изучения заимствований зарубежной лингвистикой необходимо иметь понимание лингвокультурной ситуации, в которой они возникают. Другими словами, для определения локуса рассматриваемых областей лингвистического знания в общей языковой системе нужно понять их соотношение с другими составляющими этой системы, в частности с грамматикой и лексикой – базовыми компонентами любого языка.

В связи с этим необходимо иметь хотя бы минимум знаний о том, как в зарубежных исследованиях трактуются понятия грамматики и лексики, как они перерабатывают, адаптируют заимствования. Здесь важно и то, что и задачи, и объекты изучения в сфере лингвокультурного взаимодействия и взаимовлияния языков получают неодинаковую оценку в зависимости от вхождения заимствований в одно и то же словообразовательное гнездо или, наоборот, они принадлежат к различным гнездам, являются своего рода межгнездовыми.

Здесь также важно понять, что в зарубежной лингвистике отмечается, с одной стороны, взаимное тяготение грамматики к словарному составу языка, а с другой – влияние этого тяготения на организацию состава заимствованной лексики.

До недавнего времени одной из базовых составляющих зарубежной трансформационной грамматики было положение о том, что для преобразования синтаксической структуры в высказывание (в форме диалога или монолога) следовало производить ряд трансформаций над базовыми словами-символами до тех пор, когда осуществление конкретной синтаксической схемы требовало постановки вместо них конкретных лексических единиц. Имелось в виду, что языковые выражения с общей синтаксической схемой считаются деривационно связанными и эти связи в соответствующих словообразовательных гнездах появляются в результате трансформации, которая непосредственно отвечает за процесс адаптации заимствований, в том числе и в словообразовательных гнездах.

Данный подход, таким образом, ставил под сомнение, во всяком случае делал необязательным, самостоятельное выделение в отдельные модели морфологической адаптации заимствований, потому что, если, например, однородная конструкция распространится одновременно в равных долях как на пассивную часть лексического состава, так и на какое-то отглагольное имя, то все они в этом случае предстанут как равнозначные варианты преобразовательных связей, и в этой ситуации различие между заимствованиями внутри одного и того же уровня словообразовательного гнезда или заимствованиями различных уровней будет минимальным.

Таким образом, трансформационный взгляд на заимствования противоречил традиционному грамматическому подходу, предлагая целостное описание адаптации заимствования взамен уровневого, дифференцированного представления фактов языка [1, p.1-2].

Позднее было выявлено, что значительное количество трансформаций заимствованной лексики, с одной стороны, меняет ее значение, а с другой – она далеко не всегда возможна. Возникла проблема методической проработанности такой трансформации, а это, в свою очередь, ставило под сомнение одну из основ трансформационной грамматики. Необходим был поиск решения, которое уменьшило бы влияние трансформационного подхода.

В конечном итоге на первый план вышли морфология и словообразование, лексика, потому что именно она дает наибольшую возможность проанализировать морфологические и словообразовательные изменения.

Тем не менее и в этом случае словарь заимствований в целом воспринимался «сборной солянкой», простой суммой пусть лингвокультурологически ценных, но все-таки случайно попавших в другой язык

заимствованных лексических единиц со своими, присущими только им семантическими характеристиками. И все же представить для каждой заимствованной единицы отдельную словарную статью породило бы неизбежное дублирование в связи с морфологической связанностью, морфологическим, семантическим и лингвокультурологическим взаимопроникновением словоформ.

Одним из путей решения этого вопроса стало признание за грамматикой того базиса, который позволяет функционировать заимствованиям в новой для них лингвокультурной среде самым естественным образом.

Здесь только следует иметь в виду, что если в отношении заимствований она выступает в качестве накопителя, со всеми их значениями, то одной из актуальнейших задач в описании языка встает проблема, какие именно сведения об используемой заимствованной лексической единице обеспечат ее наиболее адекватное употребление в той или иной лингвокультурной ситуации общения.

Правда, здесь разные грамматики предлагали свои ответы. Так, падежная грамматика во главу угла ставила данные о семантических значениях тех именных заимствований, которые могли сочетаться с каким-либо одним конкретным глаголом. В функциональной грамматике на первое место выносятся вопрос о согласовании конкретных предикатов с конкретными именами.

В последнюю треть прошлого века на первый план выступают так называемые «грамматики заимствованной лексики», в которых жестких границ между грамматическими правилами и лексическими заимствованиями не просматривается. Более того, вся грамматика, по мнению некоторых исследователей, сводится к полному описанию заимствований лексических единиц, каждая из которых имеет соответствующие маркеры-ограничители [2, р. I-XI]. Здесь каждое заимствованное слово ограничено и наделено такими особенностями, которые позволяют ему быть не только правильно оформленными с точки зрения структуры, но и (что очень существенно) органично вписаться в синтаксическую структуру, функционирование предложения. Такая грамматика представляется как некий перечень заимствованных лексических приращений, которые, в свою очередь, можно расклассифицировать, например, по частям речи.

Таким образом, в зарубежных лингвистических исследованиях, нашедших отражение в различного рода грамматиках, встала проблема не только терминологического описания характеристик заимствованных лексических единиц, но и отношений между ними, в том числе и на уровне синонимии, антонимии, полисемии, коннотации, культурных фонов и т. д. Одновременно грамматические правила здесь обычно сводятся к лексическим обобщениям, отражающим отношения между заимствованными лексическими единицами и между конкретными (в том числе лингвокультурологическими) их характеристиками. Следовательно, словообразование здесь присутствует на грамматическом и лексическом уровнях.

Разумеется, такая точка зрения – одна из возможных. Так, морфология, по правилам которой заимствованное слово включается в процесс функционирования чужого для него языка, имеет свои законы, действия, реальное проявление которых наталкивается на естественное сопротивление чужеродной для нее лексики.

В этой лингвокультурной ситуации «морфологические правила отнюдь не менее регулярны, чем правила синтаксические или фонетические, потому что они подвержены большему воздействию со стороны заимствованной части лексикона» [3, 12-13].

Работой, в которой одной из первых был поставлен вопрос регулярности в отношении явлений словообразования и морфологии, в отличие от явлений синтаксиса, было исследование Ф. Планко [4]. В нем автором тщательно проанализированы те факторы, которые влияют на действие того или иного правила и на морфологическом уровне, т.е. деривационные правила на уровне заимствованных слов, – начиная от производных и заканчивая формами слова. Он также указал на условность границ между правилом и исключением. Так, если действие правила зависит от ряда общих лингвокультурологических факторов (в частности, количества слогов в заимствованном слове, фонологических особенностей входящих в него морфем коннотативной, эмоциональной части общего семантического значения) и можно представить их функционирование в виде конкретных условий, то в данном случае отпадает необходимость говорить и об отклонениях от правил. Эта точка зрения более чем интересна. На наш взгляд, она актуальна и для современного русского языка, в котором, как известно, что ни правило, то исключение, хотя, конечно, здесь речь идет прежде всего не о заимствованной лексике.

Вместе с тем, если придерживаться объективности, определенный конкретный перечень тех или иных правил в значительной степени определяется особенностями конкретного родного языка заимствованного слова. Отсюда вытекает немаловажная деталь – вывести какие-то общие правила, которые бы касались всех заимствований, на практике сегодня вряд ли возможно.

Исходя из вышесказанного, вместе с понятием контекстных зависимых трансформаций можно использовать и понятие контекстно зависимых правил адаптации и трансформации самих заимствований и, следовательно, использования в определенном объеме применения правил. Правда, в этом случае регулярность в синтаксисе не может противопоставляться нерегулярности словообразования и разграничить грамматику и лексику по этому критерию будет достаточно сложно. С другой стороны, по типу и степени регулярности можно попытаться определить словообразование и словоизменение. В конечном счете, введение конкретных запретов на действие того или иного правила способствует выявлению специфики прохождения процессов внутри словообразовательного гнезда заимствованной лексики.

Взаимодействие этих двух в целом противоположных концепций при анализе проблем образования производных от заимствованных лексических единиц явилось одним из важнейших элементов переосмысления лексических компонентов языка.

В конечном итоге, развитие этого направления, возможно, пойдет по пути постоянного уточнения структуры иноязычного слова лексического заимствования [5], которое сегодня уже не сводится к простому перечню представленных в языке заимствований.

При этом различное понимание морфологии и словообразования относительно заимствований неизбежно ведет к дискуссии, например, о том, из каких единиц образуется иноязычная лексическая заимствованная единица и содержит ли она, в частности, простые, производные или сложные слова. Обсуждаются и вопросы о том, входят ли в основу заимствованной лексики аффиксальные морфемы.

В настоящее время в зарубежной лингвистике также идут дискуссии о том, что приставки и суффиксы необходимо также представлять в словарях, как представлены в них другие самостоятельные иноязычные лексемы. Ответы на эти и другие подобные им вопросы имеют важное значение, потому что определение различных морфологических процессов зависит от того, анализ каких элементов они осуществляют – морфемами или же целыми заимствованными словами, реальными высказываниями или же синтаксическими конструкциями различной сложности, употребляемыми в соответствующей лингвокультурной ситуации.

Литература:

1. Hoekstra T., Holst H., Morraat M. Lexical grammar. – Dordrecht, 1981.
2. Hundson H. Introduction / Stratosta St. The case for lexicase: An outline of lexicase grammatical theory. – L: NY., 1998.
3. Malicka – Kleparska A. The conditional morphology: A study of double motivation in Polish and English. – Lublin, 1985.
4. Plank F. Morphologische Regularitäten: Aspect der Wortstrukturtheorie. – Tübingen, 1981.
5. Scalise S. Generative morphology. – Dordrecht, 1986.